

УДК 821

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-84-91

«МЫ УМИРАЕМ ЗДЕСЬ»: СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЙН РЭНД

М.О. Сергеева, Р.А. Савастенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрены первые произведения известной американской писательницы А. Рэнд: киносценарий «Красная пешка» и роман «Мы живые», которые заложили основу философской концепции автора, сформированной на особенности ее восприятия коммунистической идеологии. Анализируются особенности описания СССР как тоталитарной системы, рассматриваются художественные примеры влияния диктатуры на свободных творческих людей. Рассматриваются элементы автобиографичности данных произведений и их влияние на дальнейшее творчество автора, а также изучается отношение А. Рэнд к Советской России. Анализ ранних произведений А. Рэнд позволяет рассмотреть события одного из самых противоречивых периодов отечественной истории через призму литературного творчества одной из первых волн советской эмиграции.

Ключевые слова: Айн Рэнд, тоталитаризм, диктатура, Советский Союз, образ-символ, русская эмигрантская проза

Введение

Айн Рэнд (настоящее имя Алиса Зиновьевна Розенбаум) — известная американская писательница и философ. Она родилась в Санкт-Петербурге в 1905 году, в 1926 году эмигрировала в Америку, где спустя несколько лет снискала огромную популярность. В 1991 году библиотека конгресса США провела опрос среди читателей с целью выяснить, какие книги оказали наибольшее влияние на американцев. На втором месте оказалась книга А. Рэнд «Атлант расправил плечи». На первом — Библия [8. С. 243]. Исследованием творчества А. Рэнд занимается Ayn Rand Institute, Ирва., Калифорния, на родине она до последнего времени оставалась неизвестной. На данный момент научных работ, посвященных ее философским и литературным произведениям, на русском языке почти нет.

Изучение проблемы

Практически во всех своих произведениях А. Рэнд поднимает проблему свободного человека, противостоящего диктатуре. Наиболее ярко эта идея реализована в ее первых литературных трудах: киносценарии «Красная пешка» и романе «Красная пешка». Главная тема этих произведений — попытка героев противостоять тоталитарному режиму в Советской России. Как отмечал идейный после-

дователь А. Рэнд Л. Пейкофф, «однозначное отвержение мисс Рэнд диктатуры включает в себя целую философскую систему, в том числе взгляд на природу реальности и требования человеческого рассудка» [5. С. 206].

Первым литературным опытом А. Рэнд можно назвать киносценарий «Красная пешка» (1932). В основе произведения — идея зла, которое несут диктатура и тоталитаризм. По сути, это была первая попытка А. Рэнд привлечь внимание общественности к обстановке в Советском союзе. Сценарий купила киностудия Universal Studios за 1500 долларов, он так и не был экранизирован, позднее этот киносценарий был включен в сборник рассказов «Муж, которого я купила» [1. С. 29]. В «Красной пешке» А. Рэнд определяет сущность коммунизма — требование отказаться от собственной независимости и счастья, стремление разрушить индивидуальное человеческое счастье и превратить каждого в шестеренку, часть идеально работающего механизма. По сути, коммунизм представляется как система, противоречащая моральным ценностям человечества. Помимо этого, в «Красной пешке» поднимается тема сходства коммунизма и религии, основанных на идее подчинения человека «чему-то высшему» и отождествляющих «благотель с самоотверженным трудом» [5. С. 207].

Спустя два года, в 1934 году, свет увидел роман «Мы живые», описывавший мир российской интеллигенции после революции 1917 года. Это был первый роман, отрицающий идеи коллективизма. В этом произведении А. Рэнд наиболее полно показала разрушительное действие, которое оказывает тоталитарный режим на свободного человека. Как отмечала автор романа, ее основной задачей было «вывести Россию за рамки своей системы ценностей» [1. С. 82]. Существует легенда, что А. Рэнд, перед отъездом в США дала обещание рассказать миру о том, что «Россия — это огромное кладбище» [10. С. 62] и «мы умираем здесь» [1. С. 70]. Следует отметить, что изначально роман назывался «Спертый воздух: роман о красной России» [2. С. 149] и, как признавалась А. Рэнд, был наиболее близок к автобиографии [1. С. 75]. Однако позднее, непосредственно перед публикацией книги А. Рэнд изменила название на «Мы живые», дабы усилить основную идею «умирания» персонажей, подчеркнуть и усилить протест против давления на человека, которое не совместимо с жизнью [8. С. 246].

Несмотря на то, что перед публикацией название романа было изменено, красной нитью сквозь повествование проходит идея «спертого воздуха», затхлости, застоя: «в Петрограде воняло карболкой» [6. С. 9], «штукатурка осыпалась, оставляя черные пятна, отчего стены казались прокаженными» [6. С. 20], «вонь висела в воздухе, как предупреждение и зловещее напоминание» [6. С. 22], «плакаты размножились словно яркая городская плесень» [6. С. 23]. Петроград, в романе мертв: «старые здания взирали на площадь мертвыми глазами закрытых магазинов» [6. С. 22], «старые вывески были мраморными некрологами людям, исчезнувшим давным-давно» [6. С. 23], «тень растущего безымянного страха висела над городом» [6. С. 11]. Вместе с тем А. Рэнд называет его «городом, где так много возможно» [6. С. 51].

Сюжетная линия главной героини Киры Аргуновой во многом повторяет историю самой А. Рэнд. Действие романа начинается в 1922 году, когда семья Аргуновых возвращается из Крыма в Петроград. Отец главной героини, Александр

Дмитриевич Аргунов увез семью из Санкт-Петербурга после национализации текстильной фабрики и большей части его имущества. Также поступил и его прототип, еврейский фармацевт, владелец крупной аптеки Зиновий Розенбаум. В описании аристократичного и эгоистичного Лео Коваленского виден образ реального человека, в которого в юности была влюблена А. Рэнд, — Льва Беркмана [1. С. 39]. Роман «Мы живые» несет в себе очень много личного, однако А. Рэнд пытается быть объективной, отделить эмоции от исторической канвы повествования. С одной стороны, она яростно утверждает, что «диктатура — то есть страна, попирающая права собственных граждан — находится вне закона и не имеет права претендовать на какие-либо права» и называет СССР «наизлейшим агрессором» и «кровавейшим палачом за всю историю человечества» [11. С. 54]. С другой стороны, она описывает коммуниста Андрея Таганова как сильного, открытого, искреннего, благородного и красивого человека. Н.Г. Юзефович, анализируя роман «Мы живые», отмечает, что тоталитаризм «представлен не как национально-специфический, но универсальный феномен» [8. С. 243]. Позднее А. Рэнд заявляла, что цель романа — не критика советской власти как таковой, но демонстрация того, как тоталитарное государство подавляет личность: «Мы живые» — это не рассказ о Советской России в 1925 году. Это история о Диктатуре, о любой диктатуре, вне зависимости от того, где это происходит, в СССР, в нацистской Германии или где-то еще» [9. С. 32].

Еще одна ключевая идея романа, которая подчеркивает разрушительное влияние тоталитарного режима на общество, — противопоставление «живого», свободного и мыслящего человека, и «мертвого», серого партийного функционала. Для главной героини Киры Аргуновой жизнь — это «сокровище», которое «ценно само по себе», и в ней «скрыто нечто, что надо обязательно понять и оценить» [6. С. 357]. Вместе с тем в глазах партийных функционеров человек — «кирпичик, бесполезный сам по себе, пока он намертво не скреплен раствором с другими кирпичами, такими же, как и он сам» [6. С. 42], это «миллионы глупых, съезжившихся, безразличных душ, у которых нет собственных мыслей, собственных мечтаний, собственных желаний, которые едят, спят и беспомощно твердят слова, вбитые в их мозг другими» [6. С. 86]. Главной героине указывают, что «общество — это огромное целое», на что она обличительно отвечает: «Если ты напишешь целую вереницу нулей, они так нулями и останутся!» [6. С. 33]. Описывая быт советского человека, А. Рэнд подчеркивает: «все некачественные отечественные изделия назывались “советскими”: были “советские” спички, которые нельзя было зажечь, “советские” платки, которые рвались, как только их надевали, “советские” ботинки с картонными подметками» [6. С. 193].

Антитеза «живой-мертвый», которая пронизывает весь роман, во многом перекликается с представлением о России как о царстве смерти, которое мы можем встретить в «Котловане» Платонова, в «Мертвых Душах» Гоголя, в «Человеке в футляре» Чехова. Как отмечает культуролог и литературовед М. Эпштейн, герои, которые остались в живых, изо всех сил пытаются спасти себя и близких. Происходящее Эпштейн определяет как «танатализацию общества», которое проявляется в его «милитаризации, культе силы и оружия, умножении всяких запре-

тов, росте цензуры, в страхе перед всем живым, ярким, самостоятельным, в ненависти к свободе и стремлении все уравнивать и стабилизировать» [7].

На протяжении всего романа шаг за шагом А. Рэнд показывает, как тоталитарное государство ломает и уничтожает человека. Автор обличает лицемерие общества, его давление и губительное воздействие. Обращает внимание на то, что отсутствие свободы выбора ломает человека, а тоталитаризм разрушает экономику [8. С. 247]. В начале романа семья Аргуновых едет из Крыма в Петроград, чтобы «начать жизнь сначала» [6. С. 12]. Однако совсем скоро эта жизнь превращается в выживание, в настоящую войну всех против всех. «Это — война. Это — война, — твердит главная героиня в самые тяжелые минуты. — Война не опасна до тех пор, пока ты не сдашься... И чем труднее, тем счастливее ты должна быть оттого, что ты можешь все это выдержать» [6. С. 206]. Партийные собрания большевиков А. Рэнд сравнивает с армией, «которая с напряжением и вниманием ждет приказов от своих командиров» [6. С. 313]. Выживание превратилось в огромную проблему. Жизнь стала не неотъемлемым правом каждого человека, но привилегией, которой распоряжаются партийные функционеры. Бюрократия заняла лидирующие позиции в новом мире: «Новый советский паспорт был больше чем паспорт — это было разрешение на жизнь. Он назывался трудовой книжкой, так как труд и жизнь считались синонимами» [6. С. 36]. Лишившись партийного билета, возлюбленный Киры, аристократ, сын белого генерала, Лео Коваленский попал в замкнутый круг безработицы: в профсоюз принимали только работающих, а на работу можно было устроиться только членам профсоюзов. Люди, выпадавшие из партийного круга, превращались в отщепенцев, обреченных на смерть от голода и туберкулеза. Жизнь обесценивалась, человек рассматривался не как личность, а как существо, занимающее определенное место в партийной цепочке. Попав в такую ситуацию, каждый человек оказывается перед сложным выбором: что делать дальше? Идеальный последователь А. Рэнд Леонард Пейкофф вывел три варианта развития ситуации: бегство, смерть, приятие. В первом случае герой может попытаться покинуть страну, как Кира Аргунова. Для таких людей идея о побеге превращалась в «молчаливую такую рану, засевшую глубоко в каждом из них» [6. С. 173]. Во втором — покончить жизнь самоубийством, как Андрей Таганов, поскольку конфликт между внутренними коммунистическими идеалами и реальной человеческой пошлостью и подлостью, рожденной в тоталитарной системе, оказывается непреодолим. В третьем — приспособиться к системе, как Лео Коваленский [4. С. 230]. Впрочем, последний вариант может быть формой внутренней эмиграции, когда человек не может решиться на реальный побег, но притупляет рассудок алкоголем или наркотиками.

Жизнь в Советском Союзе, по мнению А. Рэнд, — это участь побежденных и угнетенных, безропотное существование толпы «бескровных лиц и засаленных тулупов» [6. С. 9]. Это тюрьма: «Вы живете здесь, в Советской России. Можете ненавидеть ее, можете задыхаться здесь, но не пытайтесь отсюда бежать» [6. С. 126]. А. Рэнд во многом предсказала «железный занавес», отгородивший страну от всего мира, почувствовала, что «занавес» опускался с обеих сторон: «красное знамя с триумфом поднялось под звуки “Интернационала” и позвякивание клю-

чей — это двери других стран закрылись перед Россией» [6. С. 12]. И за этими закрытыми дверями герои остаются наедине с «примусом» и «вошью». Эти два образа постоянно встречаются на страницах романа. В. А. Кухаренко, исследуя особенности интерпретации текстов, отмечал, что в таких ситуациях художественная деталь становится полноценным символом, отображающим явление. Повторение детали в тексте «узаконивает, упрочивает случайную связь, аналогичность ряда ситуаций закрепляет за деталью роль постоянного репрезентанта явления» [3. С. 46]. Эту связь можно проследить между явлением — революцией и деталью — примусом. Примус в романе — «первое благо революции», «первое знамение новой жизни, первый властелин свободной страны» [6. С. 133], который «правит людьми» [6. С. 381]. Примус и печка-буржуйка всегда сопровождаются описанием грязи, сажи, чада от сырых дров, что укрепляет ощущение, что революция — это «бытовуха», нечто неуклюжее, вредящее и раздражающее. Герои с горечью признают: «Мы построили затхлую кухню с одной старой печкой! Мы поставили на огонь чайник и стали готовить варево из крови, пепла и стали» [6. С. 381]. Второй образ, который неустанно сопровождает описание революции, — вошь. Прибывая на вокзал Петрограда, в свою новую, советскую жизнь, семья Аргуновых видит два плаката по сторонам от входа: «Один изображал громадного рабочего, чьи гигантские сапоги крушили игрушечные дворцы... Второй плакат знакомил с огромной белой вошью на черном фоне» [6. С. 12]. Бывший революционер, красноармеец, признает, что «победу над нами одержала вошь» и они «народили извивающихся ничтожеств» [6. С. 381].

А. Вильгоцкий в книге «Кто такая Айн Рэнд?» отмечает, что А. Рэнд всеми силами старалась сбежать из Советского Союза в США, а впоследствии, когда ей это удалось, сделала все возможное, чтобы не возвращаться на родину. Это желание она в полной мере выразила во всепоглощающем стремлении Киры Аргуновой уехать за границу, которое в конце концов погубило героиню. Однако в интервью одному журналу А. Рэнд подчеркивала, что роман «Мы живые» не является политическим протестом против конкретного государства, личностным отношением: «когда я приехала сюда из Советской России, политика интересовала меня только по одной причине — чтобы дожить до того дня, когда мне уже не нужно будет интересоваться политикой. Я хотела иметь такое общество, где я могла бы жить собственными заботами и добиваться целей, зная, что правительство не вмешается и не уничтожит эти цели, зная, что моя жизнь, моя работа, мое будущее не зависят от милостей государства или прихотей диктатора» [11. С. 55].

Заключение

А. Рэнд была первым писателем в США, обратившим внимание читательской аудитории на «красную угрозу». По сути, «Красная пешка» и «Мы живые» представляют собой попытку анализа событий, происходивших после революций 1917 года. Эти художественные произведения издавались сразу на английском языке, что принципиально отличает их от произведений эмигрантской прозы, вышедших изначально на русском языке и написанных для русскоговорящей аудитории. Стоит отметить, что роман «Мы живые» был негативно воспринят

публикой. Критики попросту отказывались верить в реальность описываемых событий. Яркий пример того, как восприняли книгу в Америке, — рецензия в газете «Cincinnati Times-Star»: «Эта история легко читается, но в нее с трудом верится. Она не является заслуживающим доверия свидетельством, касающимся российского эксперимента» [1. С. 82]. В XX веке именно в России в результате революции 1917 года возникла альтернатива капиталистическому миру, которая была так привлекательна и притягательна. Коммунистическая идея из утопии превращалась в реальность. С напряжением простые люди и интеллектуальные элиты следили за советской Россией и за исходом борьбы между двумя системами мироустройства, в то время как А. Рэнд с прозорливостью, свойственной истине талантливым художникам, видела дальше других и пыталась предостеречь США и весь мир от угроз, которые таила в себе коммунистическая диктатура.

Образ Советского Союза в романе «Мы живые», равно как и в рассказе «Красная пешка», — это обобщенный пример разрушительного влияния тоталитарной системы. Нельзя сказать, что А. Рэнд презирала СССР, но можно с полной уверенностью утверждать, что эти два произведения послужили основой для ее будущей философской системы, воспевающей свободного разумного человека. Как признавала сама А. Рэнд, ее первый роман должен был служить предупреждением США и всему миру, жестокой и страшной иллюстрацией, демонстрирующей, что диктатура и тоталитаризм рождают «царство ничтожеств», где высшая ценность — продуктовые карточки, а людьми правит не любовь, не наука, не закон, а лишь «примус». И финал для любой свободной и мыслящей личности в такой системе всегда трагичен.

© Сергеева М.О., Савастенко Р.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Вильгоцкий А.* Кто такая Айн Рэнд? М.: АСТ, 2015. 352 с.
- [2] *Григоровская А.В.* Первый американский роман о Советской России: «Живое» и «Мертвое» в романе А. Рэнд «Мы живые» // Политическая лингвистика. 2016. № 55. С. 144—150.
- [3] *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1978. 328 с.
- [4] *Пейкофф Л.* Объективизм: философия Айн Рэнд / пер. с англ. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 576 с.
- [5] *Рэнд А.* Муж, которого я купила. М.: Астрель, 2012. 319 с.
- [6] *Рэнд А.* Мы живые / пер. с англ. 6-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2016. 474 с.
- [7] *Эпштейн М.* Мертвая рука. Месть или победа? // Сноб. URL: [https://snob.ru/profile/27356/blog/115055#comment_841206] (дата обращения: 17.10.2016).
- [8] *Юзефович Н.Г.* Субстрат «идеология коллективизма» в произведениях А. Рэнд // Политическая лингвистика. № 4. М., 2012. С. 242—248.
- [9] *Heller A.C.* Ayn Rand and the world she made. New York: Doubleday, 2010. 567 p.
- [10] *Peikoff L.* Introduction to the 60th Anniversary Edition // *We the Living* / Ayn Rand. N.Y. A Signet Book, 1995. 503 p.
- [11] *Toffler A.* Playboy Interview: Ayn Rand // *Playboy Magazine*. March vol. 11, no. 3. 1964. 96 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Сергеева М.О., Савастенко Р.А. (2017). «Мы умираем здесь»: Советская Россия в творчестве Айн Рэнд // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 84—91.

Сведения об авторах:

Сергеева Мария Олеговна, аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: matreshka_galery@inbox.ru

Савастенко Роман Андреевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов, доцент.

Контактная информация: e-mail: savastenko_ra@rudn.university

«WE DIE HERE»: SOVIET RUSSIA IN CREATION OF AYN RAND

M.O. Sergeeva, R.A. Savastenko

Peoples' friendship university of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 119198

The first works by A. Rand, a famous American writer, are discussed in the article: a screenplay “Red Pawn” and a novel “We are living” which formed the author’s philosophic concept based on her peculiar vision of Communist Ideology. Some peculiar features of describing the USSR as a totalitarian system are being analyzed; some particular examples of the dictatorship influence on free artistic people are being discussed. Also, the autobiographic elements of these works and their influence on the author’s further creations as well as Ayn Rand’s attitude towards Soviet Russia are studied in the article. The analysis of Ayn Rand’s early works allows us to see the events of one of the most controversial period of Russian history through the prism of literary creativity of the first wave of Soviet emigration.

Key words: Ayn Rand, totalitarianism, dictatorship, The Soviet Union, image-symbol, Russian emigrant prose

REFERENCES

- [1] Vilgotsky A. Kto takaya Ayn Rand?. [Who is Ayn Rand?]. M.: AST, 2015. 352 p.
- [2] Grigogorovskaya A.V. Perviy amerikanskiy roman o Sovetskoy Rossii “Zhivoye” i “Mertvoye” v romane A. Rand “My zhiviyе” [The first American novel about Soviet Russia: “The living” and “The dead in Ayn Rand Novel “We the living”]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. 2016. № 55. P. 144—150.
- [3] Kuharenko V.A. Interpretatsiya teksta [The interpretation of the text]. L.: Prosvesheniye, 1978. 328 p.
- [4] Peikoff L. Introduction to the 60th Anniversary Edition. We the Living. Ayn Rand. N.Y. A Signet Book, 1995. 503 p.
- [5] Rand A. Muzh kotorogo ya kupila [My husband, whom I bought]. M.: Astrel’, 2012. 319 p.
- [6] Rand A. My zhiviyе [We the living]. M.: Alpinapublisher, 2016. 474 p.

- [7] Apshtain M. Mertvaya ruka. Mest' ili pobeda? [The dead hand. Revenge or victory?]. Snob. Available at: https://snob.ru/profile/27356/blog/115055#comment_841206 (accessed: 17.10.2016).
- [8] Usefovich N.G. Substrat ideologia kollektivizma v proizvedeniyah A. Rand [Substrate ideology of collectivism in the works of A. Rand]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. № 4. M., 2012. P. 242–248.
- [9] Heller A.C. Ayn Rand and the world she made. New York: Doubleday, 2010. 567 p.
- [10] Peikoff L. Obyektivizm: filosofiya Ayn Rand [Objectivism: the philosophy of Ayn Rand]. M.: Astrel': Poligrafizdat, 2012. 576 p.
- [11] Toffler A. Playboy Interview: Ayn Rand. Playboy Magazine. March vol. 11, no. 3. 1964. 96 p.

Article history:

Received: 25 октября 2016.

Revised: 10 ноября 2016.

Accepted: 20 ноября 2016.

For citation:

Sergeeva M.O., Savastenko R.A. (2017). “We die here”: Soviet Russia in creation of Ayn Rand. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 84–91.

Bio Note:

Sergeeva Maria Olegovna, Phd student of the Department of mass communications, Faculty of philology, PFUR

Contacts: e-mail: matreshka_galery@inbox.ru

Savastenko Roman Andreevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of mass communications, Faculty of philology, PFUR

Contacts: e-mail: savastenko_ra@rudn.university